

В. П. Джигоева, Т. Ю. Тамерьян
Владикавказ, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *ЕДИНСТВО/ИУДЗИНАД* В ЮГООСЕТИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СИТУАЦИИ РУССКО-ОСЕТИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье на материале русского и осетинского языков выявляется содержание концептов «единство/иудзинад», отражающих ключевую идею югоосетинского политического дискурса. Описание концепта «иудзинад» на материале осетинского политического дискурса предпринимается впервые. Концепт «единство» рассматривался М. В. Гавриловой на материале программ политических партий и выступлений российских президентов. Сопоставительное рассмотрение концептов обусловлено тем, что политический дискурс в Республике Южная Осетия реализуется в условиях активного русско-осетинского двуязычия: политическая коммуникация протекает на русском языке и на кударском говоре иронского диалекта осетинского языка, делопроизводство осуществляется как на русском, так и на осетинском языке. Материалом для исследования послужили тексты публичных выступлений А. И. Бибилова — спикера парламента Южной Осетии (в 2015—2017 гг.) и президента Республики Южная Осетия (с 2017 г.), а также материалы СМИ («Единая Осетия»). Анализ репрезентаций концептов в конкретных текстах предваряется этимологической справкой: слова «единство» и «иудзинад» восходят к общему индоевропейскому корню. Лексемы, репрезентирующие концепт русского языка, образуются при помощи префиксов, указывающих на соединение (в том числе ранее разделенных элементов), совместные действия. Установлено, что рассматриваемый концепт представлен в югоосетинском политическом дискурсе следующими когнитивными признаками: общегосударственные интересы и морально-культурные ценности; коллективная идея сохранения национальной идентичности; единый порыв, общее стремление к реализации; воссоединение Южной и Северной Осетии; единство ветвей власти внутри республики; потребность южных осетин в этнической территориальной консолидации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая личность; концепты; концепты «единство/иудзинад»; русский язык; осетинский язык; когнитивные признаки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Джигоева Варвильна Павловна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: jio.varvilina@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова — СОГУ; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: tamertu@mail.ru.

Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, а сфера научного интереса расширяется за счет анализа новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность и др.) [Чудинов 2011: 22].

Одним из направлений политической лингвистики является изучение ключевых концептов политической коммуникации, описание семантико-когнитивных процессов, отражающих изменения общественного сознания, выявление универсальных и национально-культурных особенностей политического дискурса.

По мнению Е. И. Шейгал, восприятие действительности преломляется в сознании языковой личности, отражаясь в языке в виде концептов, которые детерминируются особенностями национальной культуры и личным опытом говорящего. Концептуальная система адресанта получает свое вербальное выражение именно в процессе порождения дискурса, речетворчества, поэтому адекватный анализ составляющих эту систему концептов должен проводиться в рамках коммуникативного подхода [Шейгал 2002: 24].

У каждого народа существует своя специфическая картина мира, отражающая реальные закономерности природы. Под кар-

тиной мира понимается целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека. Такая картина мира может быть различной у представителей разных эпох, национальных, социальных, возрастных групп, может трансформироваться в ходе приобретения новых знаний о мире.

В каждом языке специфически преломляется опыт народа. Значения языковых единиц оказывают влияние на мировосприятие и поведение людей — носителей той или иной лингвокультуры. Единицей лингвокультуры является концепт (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, В. В. Красных, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, Э. Сепир, А. Д. Шмелев). Концепты, принадлежащие политическому сознанию, обладают определенной спецификой (М. Д. Невинская, Н. В. Трошина, А. Э. Сенцов, Ю. А. Шакиров, М. В. Гаврилова, Т. Н. Рогачëва, И. В. Соловей, Е. В. Декленко, К. Г. Перевалова).

В настоящем исследовании вслед за С. Г. Воркачевым концепт мы понимаем как «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 70].

Политический дискурс, конструируя «по-

литическую реальность», определяет существующую расстановку политических сил в обществе, тем самым устанавливая правила политической игры, что позволяет создавать прогнозируемые перспективы для дальнейшей политической деятельности. Целостное представление политической реальности в Республике Южная Осетия (далее РЮО) возможно через обращение к концептам **единство/уудзинад**.

Описание концепта **уудзинад** на материале осетинского политического дискурса предпринимается впервые. Концепт **единство** рассматривался М. В. Гавриловой на материале программ политических партий и выступлений российских президентов.

Политический дискурс в РЮО реализуется в условиях активного русско-осетинского двуязычия. Политическая коммуникация осуществляется на русском языке и на кударском говоре иронского диалекта осетинского языка. Делопроизводство ведется как на русском, так и на осетинском языках [Джиоева, Тамерьян 2016].

Исследование политической коммуникации в Республике Южная Осетия — новое направление для современной лингвистики [Бекоева, Джиоева, Тамерьян 2015]. В данной работе выявляется содержание концептов **единство/уудзинад**, отражающих специфику югоосетинского политического дискурса, на основе семантико-когнитивного, концептуального, лингвокультурного и коммуникативного методов исследования.

В качестве материала исследования нами привлекались тексты публичных выступлений А. И. Бибилова — спикера парламента (с мая 2015 по апрель 2017 г.), президента РЮО с 2017 г., передающие идеологию дискурса политического лидера, а также материалы СМИ («Единая Осетия»).

Слова **единство** и **уудзинад** восходят к общему индоевропейскому корню **ei-, *i-*. В осетинском языке корень *уу* происходит от иранского **aiva*, а в русском языке **единство** восходит к церковнославянскому **ѣдинъ**.

В русскоязычной лексикографии начала XX в. слова **единение** и **единство** определяются как синонимы. «Единение» толкуется как **соединение**; **согласие** и **единство**; **единомыслие**. «Единство» означает **свойство единого, составляющего одно целое**; **единодушие**, **единомыслие** [Даль 1994]. Иными словами, общими для синонимов были семы общего духовного и ментального планов. В XX в. лексические значения данных слов претерпели ряд изменений. В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова **единение** определяется как **тесная связь**; **союз**; **сплоченность** (слово снабжено

стилистической пометой *высокое*). **Единство** толкуется как **цельность**, **нераздельность**; **неразрывность связи**; **общность**, **полное сходство**, **совпадение** [Ожегов 1982]. Общими семами для слов **единство** и **единение** стали *‘нераздельность’*, *‘полное сходство’*.

Лексема **уудзинад** появилась в осетинорусских словарях во второй половине XX в. в значении **единство**, **сплоченность народа** [Касаев 1993]. В толковом словаре осетинского языка слово **уудзинад** отсутствует.

В ядро номинативного поля концептов **единство/уудзинад** входят лексемы **единство**, **единение**, **граждане**, **народ**; **мах** «мы».

Среди составляющих номинативного поля концептов **единство/уудзинад** выделяются следующие русскоязычные и осетинорусские номинации: прямые номинации — **единство**, **единение/уудзинад** «единение»; производные номинации — **объединение**, **воссоединение**, **соединение/æсиуудзинад** «соединение»; однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательные связанные с основными средствами вербализации — **единый**, **единогласно**, **объединить/бауугонд** «единый»; симилары, т. е. близкие по значению слова — **возвращение**, **воссоздание**, **консолидация**, **согласие**, **союзничество**, **вхождение/æмцæдисад** «союз», **æмцард** «совместная жизнь», **æмцъд** «совместные усилия»; контекстуальные синонимы — **интеграция**, **сотрудничество**, **дзыллæ** «народ»; окказиональные, индивидуально-авторские — **преодоление разделения**, **достижение главной национальной идеи**, **сохраниться как этнос**, **вековая мечта осетинского народа** / **ирон адæмы уумиаг фидæн**; словосочетания — **Южная Осетия**, **народ Южной Осетии**, **Парламент Республики**, **полная интеграция** / **максималон интеграции** и др.

Лексемы, репрезентирующие концепт **единство**, образуются от корня **един** при помощи префиксов **об-**, **вос-**, **воз-**, **со-**.

Данные приставки указывают вектор движения. Приставка **о-/об-** обозначает **соединение** в одно целое разных элементов (**объединение**); приставка **вос-** передает значение повторного соединения ранее разделенных частей (**воссоединение**); приставка **со-** означает совместные действия. Приставки символизируют векторы реализации **единства** в языковом сознании югоосетинских политиков.

Ключевое слово, репрезентирующее концепт **уудзинад**, образуется от корня **уу** при помощи суффикса **-дзинад**.

В политическом дискурсе наблюдается наполнение концептов **единство/уудзинад**

актуальными для политической жизни страны смыслами. **Единство/иудзинад** репрезентируется как условие достижения политических целей представителей власти: единения народа внутри югоосетинского общества, объединения Северной и Южной Осетии в составе РФ. В речевой практике

политиков информативно значимым является единение народа, объективирующее самую высокую духовную ценность. Общими для имен концептов в русском и осетинском языках являются семы 'связь' и 'единомыслие'.

Таблица

Структура концепта ЕДИНСТВО/ИУДЗИНАД

Фреймовые модели	Субфреймы	Кол-во мод.	Кол-во мод.
Фрейм «ЕДИНСТВО ВНУТРИ ОБЩЕСТВА»	Субфрейм «Согласованная деятельность депутатов на благо народа» Русскоязычная репрезентация: <i>единое понимание; единогласно; мы (37); все депутаты; Парламент Республики; Парламент (8)</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>Республикæ Хуссар Ирыстонæ Парламент «Парламент Республики Южная Осетия»; мах (9) «мы»; парламент «парламент»; депутаттæ «депутаты»; нæ депутаттæ «наши депутаты»; нæ парламент «наш парламент»; депутаттæ иууылдæр «все депутаты»</i>	64	187
	Субфрейм «Согласованность руководства республики и народа в соблюдении законов» Русскоязычная репрезентация: <i>Республика Южная Осетия (все ветви власти + народ); мы (государство + власть + народ) (6); наш народ (власть + народ); наша республика (власть + народ); идёт к народу (власть + народ); знает чаяния народа (власть + народ); власть ближе к народу (власть + народ); югоосетинское общество (власть + народ); Южная Осетия (народ + власть); мы (парламент + народ) (8); народ Южной Осетии (спикер + все); президент должен знать свой народ (президент + все); мы (спикер + народ) (4)</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>Хуссар Ирыстон «Южная Осетия»; Ирыстон «Осетия»; Республикæйы адæм «народ Республики»; мах (2) «мы»; Хуссарирыстойнаг æхсæнад «югоосетинское общество»; адæм «народ»; Хуссар Ирыстонæ адæм «народ Южной Осетии»</i>	37	
	Субфрейм «Традиционные духовные ценности» Русскоязычная репрезентация: <i>граждане РЮО (3); народное единство; осетины; югоосетинские подразделения; РЮО (весь народ); общественное согласие (весь народ; мы (народ + власть против внешних врагов) (11); мы (весь народ) (23); Южная Осетия (весь народ) (4); граждане; каждый гражданин республики (все) (2); объединение всех (всего общества); единство (всего общества); общество раздроблено, расколото; судьба Южной Осетии</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>Ирон адæм «осетины»; æхсæнады иудзинад «единение общества»; æхсæнады дихдзинад «раскол общества»; хуссарирыстойнаг(2) «югоосетинский»</i>	61	
	Субфрейм «Следование общим внутрипартийным принципам всеми депутатами партии большинства» Русскоязычная репрезентация: <i>мы (лидер партии и однопартийцы) (21); наша партия; партия «Единая Осетия»</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>мах «мы»; нæ парти «наша партия»</i>	25	
Фрейм «ЕДИНЕНИЕ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ»	Субфрейм «Общность целей и задач» Русскоязычная репрезентация: <i>консолидация других политических сил (все ветви власти); мы (ветви власти) (2); вышли из народа (единение ветвей власти); все политические силы Южной Осетии (все ветви власти); мы с президентом (спикер + президент); мы (руководство республики) (19); разрешать вопросы между ветвями власти</i> Осетиноязычная репрезентация: <i>мах «мы»; Хицауад «правительство, представители власти»</i>	27	27

Фреймовые модели	Субфреймы	Кол-во мод.	Кол-во мод.
Фрейм «ЕДИНСТВО ОСЕТИИ» (1)	Субфрейм «Политический союз» Русскоязычная репрезентация: воссоединение Осетии — дорога с двусторонним движением; воссоздание единой Алании; мы (Южная и Северная Осетия) (2); единое национальное территориальное пространство; создание одной республики в составе РФ; вхождение в состав РФ и воссоединение Осетии; совместная рабочая группа с Парламентом РСО Алания Осетиноязычная репрезентация: Ирыстон «Осетия»; нæ Ирыстон «наша Осетия»; алы ирон адæймаг «каждый осетин»; мах «мы»; æмцард кæнын «жить вместе»; æмцыд кæнын «шагать вместе / в ногу»	14	49
	Субфрейм «Создание общего национального, территориального, государственного, республиканского пространства» Русскоязычная репрезентация: воссоединение Осетии; единство Осетии; идея реализации вековой мечты осетинского народа; дело, выстраданное многими поколениями защитников Осетии; объединение Осетии; объединить две части Осетии; возрождение и развитие нашего народа; осетинский народ (2); Осетия; мы не можем жить раздельно; сохраниться как этнос, как нация; у нас, у осетин; развиваться как единый организм; Единая Осетия; объединение; реализация национальной идеи осетинского народа; достижение главной национальной идеи осетинского народа; единство осетинского народа; объединение — объективный процесс; осетинский народ скоро будет един; осетинский народ не будет жить в расчлененном виде; преодоление разделения осетинского народа; вековая мечта народа; осетинский народ должен быть един; народ Осетии готов к тому, чтобы мы объединились; воссоединение с братьями; единство народа; единство Осетии — единение народа; воссоединение двух частей одного целого Осетиноязычная репрезентация: Иудзинад «единство»; Ирон адæмы бауу кæнын «объединение осетинского народа»; Ирон адæмы иумиаг фидæн «общее будущее всего осетинского народа»; Ирыстонæ сæппæт цæрджыты сæйраг бæллиц «сокровенное желание (вековая мечта) всех осетин»; Иу адæм «единый народ»	35	
Фрейм «ЕДИНСТВО ОСЕТИИ» (2)	Субфрейм «Общее территориальное пространство Севера и Юга Осетии в составе РФ» союзничество и интеграция; интеграция с РФ; сотрудничество с Советом Федерации; полная интеграция с РФ; интеграция всех министерств с российскими министерствами; вхождение Южной Осетии в состав РФ; единое территориальное пространство с РФ; возвращение Южной Осетии в состав России Осетиноязычная репрезентация: Æмцæдисад æмæ интеграци «союз и интеграция»; интеграци «интеграция»; максималон интеграци «максимальная интеграция»; мах (9) «мы»; ирон адæм «народ Осетии / осетины»	21	21

Как демонстрируют примеры в таблице, концепт **иудзинад** несет положительный аксиологический заряд в рамках югоосетинской политики. Он репрезентирует общегосударственные интересы и морально-культурные ценности: *Мах фидарсæй уырны, растæндæр гъеныр кæй фæзынд Хуссар Ирыстонæн реалон фадат серъезон къæдзæф акæнынсæн Ирыстонæ сæппæт цæрджыты сæйраг бæллиц сæххæст уа, уымæ Ирон адæмы бауу кæнынсæн, максималон интеграциимæ бадзырдыл къухтæ æрфыссыны фæрцы.* — «Мы твердо верим, что у Южной Осетии наконец появился шанс сделать шаг вперед к осуществлению глав-

ной мечты всех жителей Осетии, к объединению Осетии путем подписания договора о максимальной интеграции» [РПП «Единая Осетия»] (перевод наш. — В. Д., Т. Т.); *Уымсæй иуминутон конъюнктурон цæстæнгас сæмæ политикон амбициты тыххæй ма спайда кæнын нысан кæны, ирон адæмы иумиаг фидæны тыххæй сæ цард чи рауæлдай кодта, уыдонæ намысы раз фыдракæнд саразын <...>* — «Не воспользоваться эти шансом в угоду сиюминутным конъюнктурным амбициям значило бы перечеркнуть подвиг тех, кто пожертвовал собой ради единого будущего для всех осетин...» [РПП «Единая Осетия»] (перевод наш. — В. Д., Т. Т.).

Концепт **единство** отражает ценности осетинского этнического сознания, передает коллективную идею сохранения национальной идентичности: Глава **государства** должен, по нашему глубочайшему убеждению, **знать свой народ, жить среди своего народа и знать его проблемы** [Парламент Республики Южная Осетия].

Использованием маркеров **единство народа, народ, граждане Южной Осетии** в политическом дискурсе репрезентируется **единый порыв, общее стремление к реализации общенародных целей**:

Народ должен видеть, что и исполнительная, и законодательная, и судебная власть делают все возможное, чтобы **гражданам Южной Осетии** жилось комфортно на своей родной земле... [Парламент Республики Южная Осетия]; <...> **единства народа** не будет без того, чтобы политическая элита не реорганизовалась, точнее, не избавилась от внутренних противоречий [Парламент Республики Южная Осетия].

Ведущим фактором объединения осетинского народа является **единство** всех ветвей государственной власти республики: Убежден, что **политическая ситуация в Республике Южная Осетия** не будет напряженной и все ветви власти в дальнейшем будут конструктивно **сотрудничать** в полном взаимодействии при решении задач, определенных **народом Республики Южная Осетия** [Парламент Республики Южная Осетия].

Приводимый ниже фрагмент демонстрирует стратегию **единства** и интеграции применительно к работе внутри парламента: <...> в то же время по многим вопросам у депутатов было **единое** понимание тех или иных проблем и решения принимались **единогласно** [Парламент Республики Южная Осетия].

Заимствование консолидация (от лат. *consolidare* «укреплять») частотно в политическом дискурсе наряду с лексемой **единство**: <...> именно образование имеет ключевую роль в духовно-нравственной консолидации общества, в укреплении социальной **солидарности**, в повышении уровня доверия человека к согражданам, обществу, **государству** [РПП «Единая Осетия»]; И дай Бог, чтобы эти шаги были направлены на **консолидацию** общества, а не на раскол <...> [РПП «Единая Осетия»].

Достичь **единства и консолидации**, найти то, что объединит людей, придерживающихся различных мнений, разных политических взглядов, найти то общее, что консолидирует их, политики считают очень важным: **Мы не превозносимся над другими политическими партиями, мы ходим по земле**

и общаемся с нашими согражданами, и призываем своих коллег к этому же — к созданию и неустанному труду во имя интересов Отечества [РПП «Единая Осетия»].

Синонимичные словосочетания **единство общества и консолидация общества** передают ключевую идею политического развития.

Именно **единство** общества является условием решения задач, стоящих перед государством: Если **мы** называем себя **государством** и говорим, что **мы независимые**, тогда есть руководство, которое должно обеспечить население рабочими местами. Это уже экономический вопрос и, без сомнения, социальный [Парламент Республики Южная Осетия].

Концептуальные метафоры как способ описания действительности формируются при помощи прямых соответствий между когнитивными областями источника и цели в структурируемой по подобию источника области [Лакофф, Джонсон 1980].

Потребность южных осетин в этнической территориальной консолидации нашла свое отражение в оппозитивной метафорической модели, в которой представлено, с одной стороны, разъединение, а с другой — соединение частей целого: И вы тоже точно знаете, что в основе нашей идеологии должно быть возрождение, которое невозможно без возвращения к истокам, **воссоединения двух частей одного целого** в лоне сильного непобедимого государства <...> осетинский народ <...> еще недолгое время будет жить в **расчлененном виде**, и <...> уже скоро будет **един** [РПП «Единая Осетия»]; Мы не можем жить раздельно. Если у нас, у осетин, не будет **единого** национального, территориального пространства, мы не сможем развиваться как **единый организм** [РПП «Единая Осетия»].

Процесс воссоединения разделенного народа осмысливается посредством метафоры движения:

Воссоединение Осетии — дорога с двусторонним движением [РПП «Единая Осетия»].

Следует подчеркнуть, что стремление к **единству** осетинского народа понимается в политической коммуникации Южной Осетии как восстановление исторической справедливости и реализация многовековой мечты народа: <...> а **объединились** перед решением судьбоносных задач — преодоление разделения осетинского народа и **восстановление исторической справедливости, воссоздание единой Алании** [РПП «Единая Осетия»]; Эта идея — **многовековая мечта народа** <...> [РПП «Единая Осетия»].

Единство в данном контексте выступает как основа новой идеологии.

Идея воссоединения Южной и Северной Осетии в составе единого государства в политическом дискурсе эксплицируется посредством синонимического ряда репрезентантов *единство, единение, объединение*: **Единство Осетии должно начаться с единения народа** [РПП «Единая Осетия»]; <...> **воссоединение с нашими братьями**...[РПП «Единая Осетия»]; **Осетинский народ должен быть *един* и в составе РФ** [РПП «Единая Осетия»].

Концепт **единство** реализует во внешней политике Югоосетинского государства стремление к возвращению Южной Осетии в состав РФ, образованию единого территориального пространства с РФ и, таким образом, реализации полной интеграции с РФ: **Несмотря на сильнейшее давление со стороны ряда чиновников исполнительной власти и некоторых политических сил, наша партия с момента создания четко придерживается курса на *возвращение Южной Осетии в состав России*** [РПП «Единая Осетия»]; **Партия «Единая Осетия» также обращается ко всем политическим силам Южной Осетии с призывом сплотиться вокруг идеи *возвращения в состав России*** [РПП «Единая Осетия»]; **Получается, что мы все за то, чтобы Южная Осетия вошла в состав России** <...> [РПП «Единая Осетия»].

При изучении текстов политических выступлений на материале русского и осетинского языков нами были выявлены следующие когнитивные векторы актуализации идеи единства в югоосетинской политической коммуникации: общность целей и задач внутри югоосетинского сообщества; согласованная деятельность ветвей власти на благо народа; общие историко-культурные ценности всех жителей Осетии как на Севере, так и на Юге; общее территориальное пространство Севера и Юга Осетии в составе РФ.

В югоосетинском политическом дискурсе **единство** объективируется как образ народа, республики, государства. Слово *народ* в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой трактуется следующим образом: население, объединенное принадлежностью к одному государству, жители страны; нация, национальность, народность; основная часть трудящегося населения страны; то же, что люди [Ефремова]. Общим семантическим признаком для этих номинаций является общность людей.

В билингвальном сознании осетин концепты **единство/иудзинад** отражают общегосударственную и этнокультурную ценность, коллективную идею сохранения националь-

ной идентичности, формируют образ жителей Южной Осетии и всего осетинского народа. **Единство/иудзинад** обладает политической аксиологией, создаваемой векторами воссоединения Осетии, единения народа внутри югоосетинского сообщества, объединения Северной и Южной Осетии в составе РФ. Потребность южных осетин в этнической и территориальной консолидации реализуется метафорически при помощи оппозитивной метафорической модели, в которой представлено, с одной стороны, существующее разъединение этноса, а с другой — соединение этноса как единого целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958.
2. Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. — М.: Сов. энцикл., 1970. 584 с.
3. Бекоева И. Д., Джиеова В. П., Тамерьян Т. Ю. Доминантные политтехнологии югоосетинского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 72—76.
4. Бекоева И. Д., Джиеова В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии власти в аспекте югоосетинского политического дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2015. № 4. С. 173—176.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
6. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь: ок. 60 000 слов и выражений / Учреждение Рос. акад. наук Сев.-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Прогресс, 1994.
8. Джиеова В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии власти в югоосетинской парламентской коммуникации // Вестн. ПГЛУ. 2016. № 2. С. 153—158.
9. Джиеова В. П. Вербальная реализация политической стратегии правительства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4. С. 27—32.
10. Джиеова В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии и тактики борьбы за власть в югоосетинской парламентской коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 2. С. 23—27.
11. Джиеова В. П., Тамерьян Т. Ю. Парламентская коммуникация в билингвальном аспекте // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 130—133.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. URL: slovonline.ru.
13. Касаев А. М. Осетинско-русский словарь. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 1993. 384 с.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 1980. Переизд. 2008.
15. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. — М.: Тетрасистемс, 2004. 189 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1984.
17. Словарь русского языка: в 4 т. — М., 1982.
18. Парламент Республики Южная Осетия. URL: www.parliament/rso.org.
19. РПП «Единая Осетия». URL: www.edinayaosetia.ru.
20. Толковый словарь русского языка: 100 тыс. слов / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ООО «Стандарт», 2016. 848 с.
21. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. 292 с.
22. Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба,

Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 252 с.

23. Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация 2002». — Пятигорск : ГТГЛУ, 2002. С. 24—26.

24. Словарь политических терминов / сост. А. А. Лузан, А. Бородай, А. П. Кваша. — Краматорск : ДГМА, 2014.

25. Graber D., McQuail D., Norris P. Introduction: Political Communication on a Democracy // The Politics of News: the news of politics / ed. by Doris Graber, Denis McQuail, Pippa

Norris. — Washington, D. C. : Adivision of Congressional Quarterly Inc., 1998. P. 1—16.

26. Howarth D. Discourse. Foundational account of discourse theory and discourse analysis that clearly outlines the new methodology. Buckingham : Open Univ. Pr., 2000.

27. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions, 3rd edn, Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1996.

28. Tameryan T. Yu. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2015. № 4 (45). С. 81—87.

V. P. Dzhioeva, T. Y. Tameryan
Vladikavkaz, Russia

THE CONCEPT “UNITY” IN THE SOUTH OSSETIAN POLITICAL DISCOURSE IN THE SITUATION OF RUSSIAN-OSSETIAN BILINGUALISM

ABSTRACT. Based on Russian and Ossetian, the article reveals the content of the concept “unity/iudzinad”, which manifests the main idea of South Ossetian political discourse. This is the first attempt to describe the concept “iudzinad” on the basis of Ossetian political discourse. The concept “unity” was studied by M.V. Gavrilova on the basis of political parties programs and the speeches of the Russian Presidents. Comparative analysis of the concepts is determined by the fact that political discourse in South Ossetia is realized in two languages: political communication exists in Russian and in Kudar subdialect of Iron dialect of the Ossetian language. The documents are made both in Russian and Ossetian languages. The material for this research is made of the texts of public speeches of A.I. Bibilov – Speaker of the Parliament of South Ossetia in 2015 – 2017 and President of South Ossetia since 2017 and mass media publications (United Ossetia). Before the analysis of the concept representation in the texts we provide etymological description of the words “unity” and “iudzinad” that have to the same Indo-European root. The words representing the concept in Russian are made with prefixes denoting union (including the elements separated before) and joint actions. It is argued that the concept has the following cognitive features in South Ossetian political discourse: the state interests and cultural values; the general idea of preservation of national identity; the joint strive for realization; reunion of South and North Ossetia; the unity of the branches of the government in the republic; the need for ethnic territorial consolidation in South Ossetia.

KEYWORDS: political discourse; linguistic persona; concepts; unity; iudzinad; the Russian language; the Ossetian language; cognitive features.

ABOUT THE AUTHOR: Dzhioeva Varvilina Pavlovna, Post-Graduate Student, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Tamer'yan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties, Faculty of Foreign Languages, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.

REFERENCES

1. Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. — M. ; L. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1958.

2. Abaev V. I. Russko-osetinskii slovar'. — M. : Sov. entsikl., 1970. 584 s.

3. Bekoeva I. D., Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Dominantnye politicheskoye yugoosetinskogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). С. 72—76.

4. Bekoeva I. D., Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii vlasti v aspekte yugoosetinskogo politicheskogo diskursa // Vestn. PGLU. 2015. № 4. С. 173—176.

5. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. С. 64—72.

6. Gatsalova L. B., Parsieva L. K. Bol'shoy russko-osetinskii slovar' : ok. 60 000 slov i vyrazheniy / Uchrezhdenie Ros. akad. nauk Sev.-Osetinskiiy in-t gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V. I. Abaeva VNTs RAN i Pravitel'stva RSO-A. — Vladikavkaz : IPO SOIGSI, 2011. 687 s.

7. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. — M. : Progress, 1994.

8. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii vlasti v yugoosetinskoy parlamentskoy kommunikatsii // Vestn. PGLU. 2016. № 2. С.153—158.

9. Dzhioeva V. P. Verbal'naya realizatsiya politicheskoy strategii pravitel'stva // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2015. № 4. С. 27—32.

10. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii i taktiki bor'by za vlast' v yugoosetinskoy parlamentskoy kommunikatsii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. № 2. С. 23—27.

11. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Parlamentskaya kommunikatsiya v bilingval'nom aspekte // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2016. № 4. С. 130—133.

12. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. URL: slo.vonline.ru.

13. Kasaev A. M. Osetinsko-russkiy slovar'. — Vladikavkaz : IPO SOIGSI, 1993. 384 s.

14. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem. 1980. Pereizd. 2008.

15. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Tetrasistems, 2004. 189 s.

16. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1984.

17. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — M., 1982.

18. Parlament Respubliki Yuzhnaya Osetiya. URL: www.parliament/rso.org.

19. RPP «Edinaya Osetiya». URL: www.edinayaosetia.ru.

20. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : 100 tys. slov / pod red.D. N. Ushakova. — M. : OOO «Standart», 2016. 848 s.

21. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009. 292 s.

22. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 252 с.

23. Sheygal E. I. Kul'turnye koncepty politicheskogo diskursa // Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikatsiya 2002». — Pyatigorsk : GTGLU, 2002. С. 24—26.

24. Slovar' politicheskikh terminov / sost. А. А. Лузан, А. Бородай, А. П. Кваша. — Краматорск : ДГМА, 2014.

25. Graber D., McQuail D., Norris P. Introduction: Political Communication on a Democracy // The Politics of News: the news of politics / ed. by Doris Graber, Denis McQuail, Pippa Norris. — Washington, D. C. : Adivision of Congressional Quarterly Inc., 1998. P. 1—16.

26. Howarth D. Discourse. Foundational account of discourse theory and discourse analysis that clearly outlines the new methodology. Buckingham : Open Univ. Pr., 2000.

27. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions, 3rd edn, Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1996.

28. Tameryan T. Yu. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2015. № 4 (45). С. 81—87.